

РАСШИРЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭЛЕГИИ Г. КОНИССКОГО «СЕРПА ОЖИДАЮТ СОЗРЕЛЫЕ КЛАССЫ...»

С. Э. Сомов

Кандидат филологических наук, доцент, Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, somov72@mail.ru

Анализируется духовно-философская элегия белорусского просветителя Георгия Конисского, посвященная теме смерти и судьбе человеческой души в загробном мире. В соответствии с религиозными убеждениями автора, смерть – это окончательный исход души из тела и последующее движение к Богу на частный справедливый суд, после которого душа отправляется либо в Царство небесное, либо в преисподнюю, в зависимости от того, какой нравственный «багаж» сумел собрать человек в земной жизни: плохой или хороший. Г. Конисский описывает «смертный путь», неизбежно предстоящий лирическому герою. Это движение по последней «дальней дороге» расширяет художественное пространство в произведении от точки у зеркала, в которое смотрится поседевший человек, до неистово далекого места пребывания небесного Праведного Судии, т. е. Бога в его трансцендентном существовании.

Ключевые слова: Георгий Конисский; элегия; духовно-философский; художественное пространство; смерть; бессмертие; путь.

ПАШЫРЭННЕ МАСТАЦКАЙ ПРАСТОРАЎ Ў ЭЛЕГІІ Г. КАНІСКАГА «СЕРПА ОЖИДАЮТ СОЗРЕЛЫЕ КЛАССЫ...»

С. Э. Сомов

*Кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр-т Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
somov72@mail.ru*

Аналізуецца духоўна-філасофская элегія беларускага асветніка Георгія Каніскага, прысвечаная тэме смерці і лёсу чалавечай душы ў замагільным свеце. У адпаведнасці з рэлігійнымі перакананнямі аўтара, смерць – гэта канчатковы выхад душы з цела і наступны рух да Бога на прыватны справядлівы суд, пасля якога душа адпраўляецца альбо ў Царства Нябеснае, альбо ў апраметную, у залежнасці ад таго, які маральны «багаж» здолеў сабраць чалавек у зямным жыцці: дрэнны ці добры. Г. Каніскі апісвае «смяротны шлях», непазбежна маючы адбыцця лірычнаму герою. Гэты рух па апошняй «далёкай дарозе» пашырае мастацкую прастору ў творы ад кропкі ля люстэрка, у якое глядзіцца пасівелы чалавек, да неспасціжна далёкага месца знаходжання нябеснага Праведнага Судзі, г. зн. Бога ў яго трансцэндэнтным існаванні.

Ключавыя словы: Георгій Каніскі; элегія; духоўна-філасофскі; мастацкая прастора; смерць; неўміручасць; шлях.

EXPANSION OF ARTISTIC SPACE IN THE ELEGY OF G. KONISSKY «THE MATURE CLASSES ARE WAITING FOR THE SICKLE...»

S. E. Somov

*PhD, Ass. Professor,
Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Belarus, somov72@mail.ru*

The article analyzes the spiritual and philosophical elegy of the Belarusian educator Georgy Konissky, dedicated to the theme of death and the fate of the human soul in the afterlife. According to the author's religious beliefs, death is the final exodus of the soul from the body and the subsequent movement to God for a private just judgment, after which the soul goes either to the Kingdom of Heaven or to the underworld, depending on what kind of moral "baggage" a person managed to collect in earthly life: bad or good. G. Konissky describes the "mortal path" that inevitably lies ahead for the lyrical hero. This movement along the last "long road" expands the artistic space in the work from the point at the mirror in which the gray-haired man looks himself, to the incomprehensibly distant place of residence of the heavenly Righteous Judge, so God in his transcendental existence.

Keywords: Georgy Konissky; elegy; spiritual and philosophical; artistic space; death; immortality; path.

Могилевский и Белорусский архиепископ Георгий Конисский, один из выдающихся просветителей XVIII века, реализовал свои гуманитарные таланты в разных жанрах литературно-художественного творчества, в том числе и в жанре элегии. Сохранилось только одно стихотворение, близкое к элегии, которое самим автором было озаглавлено как «Песнь» [1, Т. 2, с. 261–262]. После появления в печати данное произведение высоко оценил А. С. Пушкин. Именно А. Пушкин в критическом отзыве на первое собрание сочинений Конисского определил жанр стихотворения как элегический и назвал произведение «достопримечательным» [2, с. 99]. В последующие годы эта главная поэтическая удача Георгия практически нигде не публиковалась, а потому осталась незамеченной литературоведами. Произведение, построенное в рамках канонов классицистической поэзии, исполнено не только мысли, но и вкуса, насыщено метафорами, аллюзиями на Античность и Библейские сюжеты. Несмотря на сравнительно небольшой объем, в стихотворении Конисский сумел создать широкую пространственно-временную картину, проецируемую за грань физического бытия.

Элегия не имеет точной датировки написания, однако ее содержание свидетельствует о том, что произведение было написано уже немолодым человеком, которому перевалило за пятьдесят и который всерьез задумывается о смерти, разглядывая в зеркале свои полностью поседевшие волосы. Поэтому, предположительно, элегия «Серпа ожидают созрелые классы...» могла быть написана в период с 1768 (год завершения «Варшавской миссии» архиепископа Георгия, в период которой он был чрезвычайно занят подготовкой и участием в бурных заседаниях Польского сейма) по 1793 год, когда он был уже так болен и слаб, что сочинил для себя самого эпитафию

и составил большое завещание, касающееся всего его имущества, вплоть до личных вещей.

Тема элегии – духовно-философская: Конисский размышляет о смысле человеческой жизни в проекции на приближающуюся неминуемую и скорую смерть, а также о той загробной участи, которая уготована человеку в зависимости от его духовного состояния в момент перехода в вечность. Святитель Георгий как глубоко верующий человек, прославленный уже в наше время в лике святых сначала Белорусской (1993), а затем и Русской православной церковью (2017), был убежден в том, что люди с чистым сердцем и душой, не отягощенные грехами, по милости Божией попадают в Царство Небесное, а нераскаявшиеся грешники неминуемо отправляются в ад на вечные муки; и что человек, пока он жив и не лишен свободы выбора между добром и злом, может повлиять на судьбу своей бессмертной души в вечности. Важно, чтобы он успел подумать об этом и переменить свою жизнь на земле к лучшему.

Серпа ожидают созрелые классы;
А нам вестники смерти – седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало [1, с. 261].

Автор призывает смертного и беспечного человека посмотреть в зеркало и, глядя на свои седые волосы, задуматься о скоротечности жизни и приближении смерти. В духе древней русской литературы приход смерти изображается им как время наступления жатвы (ср. описание гибели воинов на реке Немиге в «Слове о полку Игореве»). Так в начале стихотворения внимание читателя «приземляется» к вещам вполне осязаемым и понятным: это созревшие колосья, которые на поле ожидают жнивного серпа, и вскоре будут им срезаны, поскольку рост и, соответственно, жизнь в них уже заканчивается. Подобным образом ожидают устрашающего «серпа смерти» и стареющие люди, в которых рост, развитие и жизнь тоже постепенно прекращается. Даже на фоне бодрости тела, которое еще подвижно и полно сил, проявляются первые «вестники смерти» – седые волосы, которые похожи на засыхающие выспевшие колосья, некогда зеленые, потом золотисто-желтые, а потом блеклые и безжизненные, как солома или койстра.

В пространственном отношении начало повествования – это фактически точка: мы представляем себе некие конкретные колосья, а затем оказываемся вместе с поседевшим лирическим героем у зеркала, в котором видим его побелевшие волосы. Эта точка, как момент представляющейся герою смерти, становится началом пути, а вернее, двух разновеликих путей, один из которых – по земле, а второй – по небу. Образ зеркала, показывающего герою признаки приближающегося конца, удачно вписывается автором в контекст перехода от одной формы существования в другую, предельную, неизвестную, а потому пугающую и, может быть, опасную (ср. в народномифологической культуре зазеркалье как мир духов, противопоставленный миру живых, и соответствующие устойчивые традиции завешивания зеркал в помещении, где находится уже умерший, душа которого покинула тело и готовится к переходу в этот загадочный мир духов).

Говоря о движении в пространстве, Конисский, опять-таки вслед за фольклорной традицией проводов покойника, называет его путь «смертной дорогой», в которую он отправляется один и навсегда. Путь его тела короткий – до «гроба», т. е. до могилы на кладбище. Этот путь скорбный, но не одинокий, поскольку покойного провожают друзья. Однако этот путь не имеет для человека и, по большому счету, для окружающих важного значения, поскольку прах отправляется к праху, чтобы окончательно рассыпаться и исчезнуть с поверхности земли, по крайней мере до таинственного всеобщего воскресения на Страшный суд. Конисский подчеркивает, что друг, проводивший друга до гроба, возвращается в свой дом, то есть в место живых людей, забот, печалей, радостей, словом, в место живой жизни. Туда умершей душе путь уже заказан, ее уделом становится вынужденное движение по другой по-настоящему длинной дороге к Богу, перед которым она должна предстать на свой частный суд.

Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь Правосудному Богу?
Путь смертный безвестен, и полон разбоя:
Искуснаго, храбраго требует конвоя.
Кто ж тебя поведет, и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвратится [1, с. 261–262].

Здесь автор эмоционально заостряет перспективу предстоящего суда и называет Бога «Правосудным», а не милостивым, как это чаще всего описывается в христианских произведениях о Боге-Любви. С одной стороны, творчеству архиепископа Георгия в разных жанрах (трагедия «Воскресение мертвых», поэтические переложения псалмов царя Давида, многочисленные храмовые проповеди и др.) свойственны библейские мотивы и образы грозного и нелицеприятного Божьего суда, на котором каждого грешника постигает неминуемая заслуженная кара. С другой стороны, он сравнивает трепет души и ее страх перед Небесным судом с трепетом земного преступника, ведомого на суд и знающего, что этот суд будет суровым, а не снисходительным.

Этот путь, по словам Конисского, сам по себе опасен и «полон разбоя», а потому заключенному, ведомому на суд, как путешественнику, отправляющемуся в дальнюю дорогу, на которой могут встретиться разбойники, необходима вооруженная охрана – «добрый конвой». Эти образы пути, конвоя и разбоя вполне понятны только верующему христианину или читателю, знакомому с православными представлениями о судьбе души умершего человека после смерти. Эти представления носят во-многом легендарный и даже фольклорно-мифологический характер, они не выражены в полном объеме в трудах святых Отцов церкви и не оформлены в виде законченного учения, поскольку признаются тайной, в значительной степени недоступной пониманию предметно мыслящего человеческого разума ввиду своей трансцендентности. Вместе с тем, в религиозных кругах принято считать, что после смерти до сорока дней душа человека находится в некоем движении, позволяющем ей трехкратно приближаться к Богу и познавать духовный мир, ранее сокрытый от нее: созерцать как райские пределы, так и глубины ада.

На этом пути к Небесному престолу, к раю и к аду душа испытывает потрясающий ее ужас и трепет: и потому, что ее несут ангелы смерти – тот самый «конвой»; и потому, что несут не прямо в рай, а на суд с еще неизвестным финалом; и потому, что по пути ее пытаются перехватить темные силы – бесы, которые уверены, что имеют на нее полные права ввиду множества грехов, совершенным человеком в его жизни. Они предъявляют доказательства в виде списка этих грехов, демонстрируют душе и ангелам смерти своего рода ретроспекцию всего злого, что было в жизни человека, всего того, что он и сам давно забыл, но что продолжает лежать грузом на его душе, поскольку не исповедано и не очищено. Вот почему в религиозной среде этот длинный путь и это сорокадневное движение души традиционно называют «воздушными мытарствами», то есть путем страданий.

Изнеможешь, пеший, таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но – та дана слезам, кровавому поту [1, с. 262].

«Хорошая подмога», о которой пишет Конисский, заключается в действиях ангелов во время воздушных мытарств. Они, по преданию, защищают душу, чтобы донести ее до престола Божьего и не отдать демонам. Каждый раз, когда те предъявляют свои права, ангелы достают из некоего ковчежца (ящик или шкатулка) ценность и откупаются от бесов. Этот ковчежец (ср. ковчег завета, дарохранительница на престоле храма, шкатулка с мощами святых и частицами святых и др.) в данном контексте выступает символом того нетленного богатства, которое человек сумел скопить себе на небе: это те добрые дела, которые он совершал бескорыстно и безвозмездно, те добрые мысли и движения души, которые его посещали, те молитвы о нем, которые творили родные и знакомые люди. Соответственно, если этот ковчег большой, то несмотря на множество грехов, которые есть у каждого человека, небесному «конвою» будет что предъявить преисподним разбойникам, и путь мытарств душа пройдет безвредно.

Вот почему, говоря о подмоге на этом пути, Конисский в качестве примера приводит образ Сикеота, имевшего по смерти такую подмогу, поскольку много потрудился для того, чтобы собрать большое сокровище. Сикеот – это прозвание христианского святого Феодора, жившего в Малой Азии в конце VI – начале VII в. и прославившегося своим подвижничеством: трудолюбием и особенным монашеским аскетизмом. В стихотворении его труды выражаются амбивалентным символом «кровоавого пота». С одной стороны, это аллюзия на евангельское изображение последней уединенной молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду перед арестом и жертвенной смертью, когда капли его пота были похожи на кровь. С другой стороны, это символика неустанного духовного труда, открывающего путь в Царство небесное, которое «нудится», т. е. зарабатывается серьезными и длительными усилиями.

Но лирический герой стихотворения совсем не похож на святого человека, напротив, его жизнь автор называет «цепью грехов» и, соответственно, душу оголенной, беззащитной:

А ты много ли плакал за грехи? Считайся.

Не весь ли век твой есть цепь грехов? Признайся.
Ах! вижу, ты нагиш, как родила мать:
Ни лоскутка на душе твоей не сыскать! [1, с. 262].

Такой душе не войти «в небесны чертоги», ее путь иной – в преисподнюю: «в ад тебя низринут, связав руки, ноги», – категорично и сурово утверждает автор, вразумляя своего героя, а с ним и читателя. Конисский напоминает им о десяти глупых девах из притчи Христа, в которой на брачный пир к жениху (суть Царство небесное и Господь) попали только те девы, которые запаслись маслом (добрыми делами) и сохранили свои светильники (души) горящими. Здесь автор использует метафору о масле и светильнике, углубляя понимание того, что в основе и добрых дел, и покаяния лежит твердая вера в Бога: «Без масла дел благих гаснет свеча Веры» [1, с. 8]; а также использует символ дерева и топора как аллюзию на еще одну притчу Христа о бесплодной смоковнице, которую срубают и сжигают в огне (душа в адском пламени).

В итоге, проследив «смертный путь» с земли на Небо и в преисподнюю, расширяющий художественное пространство произведения до общемировых масштабов, Конисский делает категорический вывод о необходимости совершения добрых дел:

Итак, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принести остается [1, с. 8].

Этот вывод становится логическим завершением предпринятого анализа пути достижения вечного счастья в Царствии небесном. Поскольку этот путь проходит не по земле, а в духовном пространстве, он предполагает и соответствующие усилия человеческого духа: наличие веры и надежды на Всевышнего, убежденность в истинности добра, стремление к нему, совершение как можно большего количества добрых дел, а в случае неизбежных ошибок (грех как «промах мимо цели») – скорейшее искреннее раскаяние в них.

Библиографические ссылки

1. Собрание сочинений Георгия Кониссаго, Архиепископа Белоруссаго. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Российской Академии. Ч. 1–2. 1835.
2. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, изд. протоиереем Иоанном Григоровичем. СПб. 1835 // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1962. С. 94–106.